

САТИРА И ЛИРИКА КАК ПРЕДМЕТ РЕФЛЕКСИИ САШИ ЧЕРНОГО

В статье рассматривается осмысление Сашей Черным концептов «сатира» и «лирика». Показываются разные формы рефлексии: в заголовочных комплексах книг, циклов, отдельных произведений, а также в ткани текста. Устанавливается отношение поэта к миру, его место в сатирической литературной традиции. Материалом являются 377 дореволюционных стихотворений Саши Черного.

Ключевые слова: Саша Черный, сатира, лирика, рефлексия, жанр, метажанр.

Проблема литературной рефлексии разрабатывалась в исследованиях Д.М. Сегала [1], В.И. Тюпы [2], Д.П. Бака [2], Н.С. Бройтмана [3], М.П. Абашеевой [4], В.М. Петрова [5], М.А. Хатямовой [6] и др. По мнению М.А. Хатямовой, «художественная саморефлексия обостряется в переходные моменты истории искусства, когда происходит массовая смена одних типов художественных структур другими» [6]. В.М. Петров отмечал, что «эти процессы в первую очередь имеют место в творчестве больших художников – новаторов, «первопроходцев», открывающих новый этап в развитии искусства» [5]. Такой фигурой, опираясь на исследования [7, 8, 9, 10, 11], мы считаем Сашу Черного.

О сочетании сатиры и лирики в поэзии Саши Черного уже неоднократно писали исследователи его творчества [7, 8, 9, 11]. «Какая странная сатира! Сатира-шарж, почти карикатура, и вместе с тем – элегия, интимнейшая жалоба сердца, словно слова дневника», – замечала современница поэта Е.А. Колтоновская. [12]. Однако тема, сформулированная в названии статьи, освещается нами впервые. Для того, чтобы ответить на вопрос, насколько правомерна эта тема, мы рассмотрели 377 стихотворений Саши Черного за весь дореволюционный период (1905-1916 гг.).

Две главные свои *книги стихов*, в которые вошло большинство дореволюционных стихотворений, Саша Черный называет «Сатиры» и «Сатиры и лирика», т.е. рефлексия начинается уже в заглавиях стихотворных книг. Название второй книги стихов – «Сатиры и лирика» – необычно, так как отождествляет понятия разных уровней: лирика – род литературы, сатиры – жанр, причем, жанр архаичный, разработанный еще в XVIII веке А.Д. Кантемиром и А.П. Сумароковым и «воскрешенный» в XX веке

Сашей Черным. Объединив эти понятия, поэт, по всей видимости, заявлял о создании новой жанровой формы, которая вбирала бы в себя и лирическое, и сатирическое начала. Будучи отнесенной ко всем текстам, эта жанровая форма предстает как своеобразный метажанр, объединяющий различные жанровые модификации. Знакомство с жанрами книг «Сатиры» и «Сатиры и лирика» эту гипотезу подтверждает. Взаимосвязь этих книг подчеркивает сам автор, указывая в подзаголовках к ним «Книга первая» и «Книга вторая» соответственно.

Эта преемственность подчеркивается еще и тем, что последний *цикл* в книге «Сатиры» Саша Черный называет «Лирические сатиры». Уже в заглавии этого цикла мы видим не противопоставление «сатиры» и «лирики», а объединение этих, казалось бы, взаимоисключающих друг друга понятий.

Обращение к концептам «сатира», «сатиры», «лирика» на жанровом уровне есть у Саши Черного и в заглавиях *стихотворений*: «Цензурная сатира» (1908) и «Северная лирика» (1909).

Из этого следует, что рефлексия сатиры и лирики начинается уже с заголовочного комплекса. Следами этой рефлексии является упоминание данных понятий в названиях стихотворных книг, циклов, заглавиях стихотворений с целью жанровой дефиниции.

Помимо заголовочного комплекса, рефлексия сатиры и лирики присутствует и в ткани текста. Концепты «сатира», «сатиры», «лирика» могут быть оформлены вербально и через художественные образы. Сначала рассмотрим те произведения, в которых непосредственно встречаются эти понятия, затем обратимся к текстам, в которых рефлексия сатиры и лирики осуществляется через художественные образы.

Концепты «сатира», «сатиры», «лирика» и их производные есть в 13 стихотворениях: «Песня сотрудников сатирического журнала» (1908), «Послание второе» (1908), «Безвременье» (1908), «Бронхитный исправник...» (1909), «Под сурдинку» (1909), «Традиции» (1909), «Саша Черный» из цикла «Сатириконцы» (1909), «Новая цифра» (1910), «На пчельнике» (1910), «Санкт-Петербург» (1910), «В чаше» (1910), «В пространство» (1911), «Пуща-водица» (1911).

Хочу отдохнуть от **сатиры**...
У **лиры** моей
Есть тихо-дрожащие, легкие звуки.
«Под сурдинку» [13, с. 159]

Если определять место этих концептов в стихотворной строке, то мы увидим определенную закономерность. Так, слово «лирика» и его производные находятся, как правило, в середине стихотворной строки, т.е. в слабой позиции: «Я **лирический** поэт, / **Безобидней** мошки...» («На пчельнике») [13, с. 288]; «И на дне помойных ям / **Пьет лирический** бальзам» («Саша Черный» из цикла «Сатириконцы») [13, с. 326]. Эти понятия используются Сашей Черным для создания иронии и самоиронии.

В случаях, когда автор выносит слова «лирик», «лира» в конец стихотворной строки, т.е. в сильную позицию, они оформляют рифму-антитезу со словами «сатирик», «сатира»:

Катарный **сатирик**,
Истомный и хлипкий, как **лирик** <...>
«Бронхитный исправник...» [13, с. 140]

Эта подчеркнутая амбивалентность лирики и сатиры, корреспондирующая с названием второй стихотворной книги, постоянно поддерживается в сознании автора как две ипостаси его отношения к миру.

Слова «сатира», «сатиры» и их производные, напротив, в большинстве случаев помещаются автором в конец стиха:

Щиплю в раздумье струны **лиры**
И никну скорбно головой...
Ах, дайте тему для **сатиры**
Цензурной, новой и живой!..
«Безвременье» [13, с. 332-333]

Они могут заканчивать предложения (повествовательные, вопросительные, восклицательные): «Хочу отдохнуть от **сатиры**...» («Под сурдинку») [13, с. 159]; «**Слышишь** крики **распаренных** силых **сати́ров**? / Они веселятся...» («Санкт-Петербург») [13, с. 179]; «**Так устроим же друг другу / С Новой Цифрой новый тир – / Я согласен для начала / Отказаться от сати́р!**» («Новая цифра») [13, с. 61]. В последних примерах концепты «сатира» и «сатиры», в отличие от понятия «лирика», помещаются Сашей Черным в сильную позицию, что отражает важность для поэта этих понятий в рефлексии сатиры и лирики.

Завершая разговор о месте в стихе понятий, которые осмысляет поэт, отметим, что «сатира», «сатиры», «лирика» не маркированы скобками, т.е. не являются «словами в сторону», не произносятся мимоходом, имеют основное значение в тексте.

Мы обратили внимание на то, что стихотворения, в которых встречаются концепты «сатира», «сатиры», «лирика» относятся к одному периоду – 1908-1911 годы, т.е. времени активного сотрудничества Саши Черного с журналом «Сатирикон», времени, наиболее плодотворного, по мнению исследователей, в творчестве поэта.

Несмотря на то, что вышеперечисленные произведения Саши Черного относятся к одному временному отрезку, они входят в состав разных стихотворных книг, разных циклов. Этот факт свидетельствует о том, что Саша Черный, komponующий произведения в книги и циклы по тематическому признаку, рефлексии сатиры и лирики оставляет сквозной, переходящей от цикла к циклу, от книги к книге.

Если обратиться к содержанию понятий, то становится очевидным, что, употребляя концепты «сатира», «сатиры», автор использует их разные значения. Во-первых, под словом «сатира» Саша Черный подразумевает «определенное (в основном – отрицательное) отношение творящего к предмету своего изображения» [14]: «Где **благородство** и **мудрость** их старости? / **Отжившее** мясо в **богатой** материи / **Заводит сати́ру** в **ущелие** ярости / И **ведьм** вызывает из **тьмы** **суеверия**» («Послание второе») [13, с. 133]; «Щиплю в раздумье струны **лиры** / И **никну** скорбно головой... / Ах, дайте тему для **сати́ры** / **Цензурной**, **новой** и **живой!**...» («Безвременье») [13, с. 332-333].

Употребление понятия «сатиры» в этом широком смысле происходит в пределах авторского поля, когда лирический субъект максимально приближен к поэту. Исключение составляет стихотворение «Песня сотрудников сатирического журнала», в котором Саша Черный ремаркой помечает, что слова принадлежат *всем* сотрудникам:

Все. Ноги кверху! Выше, выше...
Счастлив только идиот.
Пусть же яростней и лише
Идиотский смех растет.

Превратим старушку-лиру
В балалайку. Жарь до слез!
Благородную **сатиру**
Ветер северный унес...
«Песня сотрудников
сатирического журнала» [13, с. 115-116]

В данных примерах «сатира» – слово, употребляющееся в высоком значении. Во-первых, это подчеркивается определениями «благородная», «новая», «живая». Во-вторых, оно рифмуется со словом «лира», ассоциирующееся с образом поэта, с поэзией. В-третьих, как мы уже писали, оно находится в пределах авторского поля и употребляется, как правило, в строках исповедального характера: «*Хочу отдохнуть от сатир... / У лиры моей / Есть тихо-дрожащие, легкие звуки. / Усталые руки / На умные струны кладу, / Пою и в такт головою киваю...*» («Под сурдинку») [13, с. 159]

Второе значение, которое используется Сашей Черным, – это сатира в значении «мелкий лиро-эпический жанр»: «*Так устроим же друг другу / С Новой Цифрой новый пир – / Я согласен для начала / Отказаться от сатир!*» («Новая цифра») [13, с. 61]; «*Не носи сатир в журналы, / Как товар разносит фактор. / Выйдет жиденький редактор, / Волосатый, полинялый. / Буркнет: «Тюже... Ювеналы!..»*» («Традиции») [13, с. 100-101]; «*Писатель Меньшиков? Обновка!.. / Он, как трамвай, навяз в зубах; / Пусть выдыхается – неловко / Писать сатиры о гробах*» («Безвременье») [13, с. 332-333]

В приведенных примерах, как и в предыдущих, понятие «сатиры» также располагается в пределах авторского поля. Однако контекст, в

котором находятся эти слова, изобилует сниженной лексикой (*жиденький, полинялый, буркнет, навяз в зубах*), сатирическими персонажами: как вымышленными героями (*редактор журнала*), так и историческими лицами (*писатель Меньшиков*). В данных примерах меняется авторский взгляд: мы видим скептическое отношение к жанру. Здесь сатиры (как продукт словотворчества, который может быть любого качества) сами становятся объектом сатиры Саши Черного.

Наконец, под словом «сатиры» Саша Черный подразумевает «низшее божество, существо с хвостом, рогами и козлиными ногами, развратного спутника бога вина и веселья» [15]: «*Слышишь крики распаренных сиплых сатиров? / Они веселятся...*» («Санкт-Петербург») [13, с. 179]; «*Кто выйдет из зелени темной: / Олень с золотыми рогами? / Сатир? Колесница с богами? / Русалка с улыбкою томной?..*» («В чаше») [13, с. 286]; «*Зачастил густой орешник, / Бор и рьженький дубняк, / И в груди сатир насмешик / Окончательно размяк...*» («Пуща-водица») [13, с. 291].

Несмотря на то, что концепты «сатира» и «сатиры» находятся в разных контекстах, они связаны. Показатель этой связи – последний пример. Говоря о сатире, находящемся в груди, автор видит его в своем внутреннем мире. Здесь под понятием «сатир» подразумевается отрицательное отношение к миру (концепт «сатира» в широком смысле). Значения этих слов сближаются, один образ как бы перетекает в другой. В этой текучести и единстве образа – многогранность рефлексии Саши Черного.

Помимо вербально оформленной рефлексии, осмысление проявляется в огромном количестве имен сатириков, персонажей, которые ассоциируются у автора и читателя с сатирой.

Стихотворения Саши Черного насыщены именами сатириков, предшественников и современников, с которыми соотносит себя поэт. Во-первых, они вынесены в подзаголовки стихотворений: «Памяти Чехова» («Простые слова», 1910); «Из «Sinngedichte» Людвиг Фюльда¹ («Баллада», 1908). Первый подзаголовок представляет собой посвящение. Во втором стихотворении, маркируя жанр (в заглавии – баллада, в подзаголовке – эпиграмма), Саша Черный на уровне заголовочного комплекса объединяет категории лирического и сатирического.

¹ Людвиг Фюльд – немецкий поэт, современник Саши Черного. «Sinngedichte» – (нем.) эпиграммы.

Во-вторых, упоминания о сатириках содержатся в ткани текста: Ювенал («Читатель», 1911), Гораций («Читатель», 1911), Крылов («Юмористическая артель», 1911), Чехов («Юмористическая артель», 1911):

А жалко: юмор прекрасен –
Крыловских ли басен,
Иль Чеховских «Пестрых рассказов»,
Где строки, как нити алмазов,
Где нет искусства смешить
До потери мысли и чувства,
Где есть... просто искусство
В драгоценной оправе из смеха.
«Юмористическая артель» [13, с. 191]

Наконец, это может быть адресат речи, к которому, как к арбитру, обращается автор: «*Ах! Мильй Николай Васильич Гоголь! / Когда б сейчас из гроба встать ты мог, – / Любой прыщавый декадентский щеголь / Сказал бы: «Э, какой он, к черту, бог?..»*» («Смех сквозь слезы») [13, с. 85].

Привлекая в качестве персонажей стихотворений известных сатириков, Саша Черный, с одной стороны, считает их своими предшественниками и свое творчество осмысляет в рамках мировой сатирической традиции, с другой стороны, он оригинально подчиняет эту традицию условиям современности и заявляет о создании нового метажанра – сплава сатиры и лирики.

Связь творчества Саши Черного с сатирической традицией подчеркивают также и многочисленные персонажи из произведений его предшественников, которых поэт переносит в современную ему действительность: Дон Кихот («Безглазые глаза надменных дураков», 1922); герои произведений Н.В. Гоголя («Смех сквозь слезы», 1909).

Приведем в качестве примера стихотворение Саши Черного «Смех сквозь слезы». Этим стихотворением, посвященным столетнему юбилею Н.В. Гоголя, открывается цикл «Авгиевы конюшни», и эта мифологема отражает представление Саши Черного о назначении поэта – вычистить с большими усилиями накопившиеся годами беспорядки.

Уже в заглавии к стихотворению автор использует категории, соотносимые с сатирой и лирикой, – смех и слезы. Выбирая в качестве названия измененную цитату из «Мертвых душ», Саша Черный сигнализирует о выборе сатири-

ческого плана, намекает на некую преемственность. Эта преемственность подчеркивается непосредственным обращением к Гоголю: «*Ах! Мильй Николай Васильич Гоголь!*». Это несколько фамильярное обращение к великому сатирику открывает стихотворение и композиционно оформляет концовку. Формально адресат – Н.В. Гоголь. Фактически же, как и всегда у Саши Черного, стихотворение о современниках и для современников. Поэтому здесь и фигурируют два субъекта речи: обобщенный образ обывателя, т.е. тот, кого поэт высмеивает, – «прыщавый декадентский щеголь» и собственно автор.

Саша Черный, следуя журналистской традиции создавать публикации «по поводу», использует возможность с помощью персонажей произведений Гоголя создать сатирические портреты своих современников. Так, в стихотворении в качестве героев выступают Подколесин, Павлуша Чичиков, Манилов, Петрушка, Ноздрев, поручик Пирогов, Чуб, Жан Хлестаков, Вий, черти, русалки, ведьмы, рядом с которыми соседствуют реалии, современные Саше Черному (Третья Дума, «Золотое руно», «Россия», «Осведомительное бюро»): «*Манилов в Третьей Думе заседает / И в председатели был избран... по уму. / Петрушка сдуру сделался поэтом / И что-то может в «Золотом руно», / Ноздрев пошел в охранное – и в этом / Нашел свое призвание вполне. / Поручик Пирогов с успехом служит в Ялте / И сам сапожников по праздникам сечет, / Чуб стал союзником и об еврейском гвалте / С большою эрудицией поет. / Жан Хлестаков работает в «России», / Затем – в «Осведомительном бюро», / Где чувствует себя совсем в родной стихии: / Разжился, раздоблел, – вот борзое перо!..» [13, с. 86]*

Эти реалии недвусмысленно намекают на таких исторических деятелей, как: градоначальник Ялты И.А. Думбадзе, «известный своей жестокостью и произволом», А.И. Дубровин и В.М. Пуришкевич, основатели «Союза русского народа», пропагандировавшего шовинизм и антисемитизм. Автором высмеивается деятельность Третьей Думы и таких изданий, как официальная газета «Россия» и журнал русского декаданта «Золотое руно». Обращение Саши Черного к сатирическим персонажам своего предшественника не случайно: автор показывает, что они живучи и даже благоустроены в новом мире.

Таким образом, сатирический план представлен субъектом речи, обобщенным образом

современного Саше Черному сатирика, гоголевскими персонажами и историческими лицами.

Но помимо высмеивания обывательщины, стихотворение наполнено философскими размышлениями. Так, автор противопоставляет себя и свое поколение временам Гоголя, курсивом оформляя антитезу *мы – твои*: «Но где твои герои?» <...> «Но *мы* живем!». В последней части стихотворения чувствуется трагичность осмысления Сашей Черным современной действительности: «*И в праздник твой, в твой праздник благородный, / С глубокой горечью хочу тебе сказать: / – Ты был для нас источник многоводный, / И мы к тебе пришли теперь опять, – / Но «смех сквозь слезы» радостью усталой / Не зазвенит твоим струнам в ответ... / Увы, увы... Слез более не стало, / И смеха нет»* [13, с. 86]

Поэт считает Гоголя своим предшественником, «источником многоводным», к которому

приходят за вдохновением сатирики. Но трагичность, с которой Саша Черный рефлексировал, подчеркивается отрицанием: «*Слез более не стало, / И смеха нет»*.

Подводя итог вышесказанному, отметим:

1) сатира и лирика являются объектом рефлексии Саши Черного, которая осуществляется вербальным способом и через осмысление разноплановых художественных образов;

2) осмысляя сатиру и лирику, поэт видит себя в рамках сатирической традиции (о чем свидетельствует привлечение имен его предшественников и сатирических персонажей) и одновременно подчеркивает свое особое место в этой традиции;

3) исследование сатиры и лирики как предмета рефлексии Саши Черного является ключом к пониманию сатиры и лирики как мета-жанра его поэтической системы.

07.10.2010

Список использованной литературы:

1. Сегал Д.М. Литература как охранная грамота. М.: Водолей Publishers. – 2006. 976 с.
2. Тюпа В.И., Бак Д.П. Эволюция художественной рефлексии как проблема исторической поэтики. Кемерово: КемГУ. – 1988. С. 4–15.
3. Бройтман С.Н. Историческая поэтика. Учебн. пос. М.: РГГУ. – 2001. 320 с.
4. Абашеева М.П. Литература в поисках лица: русская проза в кон. XX в.: становление авторской идентичности. Пермь: Изд-во Перм. ун-та. – 2001. 320 с.
5. Петров В.М. Рефлексия в истории художественной культуры. Ее роль и перспективы развития // Исследования проблем психологии творчества. М.: Наука. – 1983. С. 313.
6. Хатямова М.А. Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX века. М.: Языки славянской культуры. – 2008. 328 с.
7. Чуковский К.И. Саша Черный // С.Черный Стихотворения. [Вступит. статья и общая ред. К.Чуковского. Критико-биограф. очерк, подготовка текста и примеч. Л.А. Евстигнеевой]. Л.: Сов. писатель [Ленингр. отд-ние]. – 1960. С. 5-22.
8. Евстигнеева Л.А. Литературный путь Саши Черного. // Черный С. Стихотворения. [Вступит. статья и общая ред. К. Чуковского. Критико-биограф. очерк, подготовка текста и примеч. Л.А. Евстигнеевой]. Л.: Сов. писатель [Ленингр. отд-ние] – 1960. С.23-67; Евстигнеева Л.А. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконы. М.: Наука. – 1968. 455 с.
9. Иванов А.С. «Жил на свете рыцарь бедный...» // Черный С. Избранная проза. [Сост., послесл., коммент. А.С. Иванова]. М.: Книга. – 1991. С. 394-418. Иванов А.С. Оскорбленная любовь // Черный С. Собрание сочинений в 5 т. Т.1: Сатиры и лирика. Стихотворения. 1905 – 1916. [Сост., подгот. текста и коммент. А.С. Иванова]. М.: Эллис Лак. – 1996. С. 5-30.
10. Приходько В.А. Что осчастливит паяца: О Саше Черном. // Черный С. Несерьезные рассказы. [Сост., подгот. текста и вступ. ст. В.А. Приходько]. М.: Рус.кн. – 1992. С. 5-26.
11. Урбан А. Книги печального смеха (Саша Черный: сатиры и лирика). // Черный С. Избранные сатиры и лирика. [Сост., авт. вступ. ст. и примеч. А. Урбан]. Л.: Дет. лит. [Ленингр. отд-ние] – 1991. С. 5-20.
12. Колтоновская Е.А. Новая сатира // Сибирская жизнь. – Томск. – 1910. – 29 августа. – С. 3.
13. Черный С. Собрание сочинений в 5 т. Т.1: Сатиры и лирика. Стихотворения. 1905 – 1916. [Сост., подгот. текста и коммент. А.С. Иванова]. М.: Эллис Лак. – 1996. 464 с.
14. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак». – 2001. – Стб. 935-936.
15. Толковый словарь русского языка / Российская АН; Российский фонд культуры. М.: АЗЪ. – 1996. С. 687.

Сведения об авторе:

Афанасьева Елена Анатольевна, преподаватель кафедры периодической печати и теории журналистики Оренбургского государственного университета
460018, пр-т Победы, 13, тел. (3532) 37-24-63, e-mail: afanas0811@mail.ru